

Н.В. РОСТИСЛАВЛЕВА

ЛИБЕРАЛ ДАВИД ГАНЗЕМАН – ПОБОРНИК ЕДИНСТВА ГЕРМАНИИ И СВОБОДНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (середина XIX века)

Давид Ганземан известен отечественным историкам как либерал, представитель промышленной буржуазии Рейнской области, как член прусского мартовского министерства в годы революции 1848–1849 гг.¹ В отечественных справочных изданиях и общих работах по истории Германии можно обнаружить немало упоминаний о Ганземане, связанных с его предпринимательской деятельностью и участием в революции 1848–1849 гг.², но монографий на русском языке о нем, к сожалению, пока нет. Недавно автором данной статьи была опубликована первая в отечественной историографии научная работа об этом политике³. Между тем германская историография уделила Ганземану довольно много внимания. В историографической палитре представлены работы биографического характера⁴, исследования о предпринимательской и политической деятельности либерала⁵, а также работы, рассматривающие эту фигуру сквозь призму развития Рейнской области Пруссии⁶. Авторы отмечают его огромные заслуги в становлении железнодорожного строительства и в развитии банковского дела⁷, подчеркивают его миссию в сфере социальной ответственности бизнеса⁸, а также показывают Ганземана как одну из ключевых политических фигур Рейна с 1830 по 1850 г., поскольку, как предприниматель, он был заинтересован в создании единого национального государства во главе с Пруссией и последовательно за это выступал⁹. Интеллектуальное наследие Ганземана, его деятельность иллюстрируют и многие другие особенности раннелиберального феномена в Германии.

Ростиславлева Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета.

¹ См. *Дживелегов А.К.* История современной Германии, в 2 ч. СПб., 1908; ч. 1.

² См., например: *Дживелегов А.К.* Указ. соч.; Революции 1848–1849 гг., в 2 т. М., 1952; Советская историческая энциклопедия, т. 4. М., 1963, с. 99; Германская история в новое и новейшее время, в 2 т. Под ред. С.Д. Сказкина, т. 1. М., 1970; История Германии. Под ред. Б. Бонвеча и Ю. Галактионова, в 3 т, т. 1. Кемерово, 2005, с. 403, 409.

³ *Ростиславлева Н.В.* Либерал Ганземан и его представления о единстве Германии. – Новый исторический вестник, 2009, с. 38–42.

⁴ *Bergengrün A.* David Hansemann. Berlin, 1901; *Däbritz W.* David und Adolph von Hansemann. Krefeld, 1954; *Malagré H.* David Hansemann. 1790–1864. Bewegter und Bewahrer. Lebensbild und Zeitbild. Aachen, 1991.

⁵ *Hansen J.* König Friedrich Wilhelm IV. und das liberale Ministerium Camphausen-Hansemann i. J 1848. Trier, 1913; *Köhler F.* Hansemann. Ein rheinischer Kaufmann in Deutschland. Leipzig, 1942; *Zunkel F.* Der Rheinisch-Westfälische Unternehmer 1834–1879. – Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Bürgertums im 19. Jahrhundert. Köln, 1962; *Rehman E.* David Hansemann als Repräsentant der preußischen Bourgeoisie. Berlin, 1981.

⁶ *Hansen J.* Preußen und Rheinland von 1815 – bis 1915. Hundert Jahre politischen Lebens am Rhein. Bonn, 1918.

⁷ См.: *Däbritz W.* Op.cit.; *Malagré H.* Op. cit.

⁸ См.: *Zunkel F.* Op. cit.; *Däbritz W.* Op. cit.

⁹ *Hansen J.* Preußen und Rheinland.

В годы наполеоновских войн Рейнская область находилась под властью Франции, а после 1815 г. на основе решений Венского конгресса стала частью Пруссии. На Западе она граничила с бельгийскими территориями. Традиционно Рейнская область была ареалом развитого ремесла и торговли: в 20-е годы XIX в. там уже начался процесс индустриализации, который затронул текстильную промышленность, горнодобычу и металлургию. Эта территория с ее большими запасами угля и железной руды в долинах Рура и Саара являлась центром горной и металлургической промышленности, именно здесь впервые в Германии началось строительство железных дорог. Не случайно либерализм в Рейнской области был представлен такими крупными предпринимателями, как Лудольф Кампгаузен, Густав Мефиссен и Давид Ганзман.

В политическом плане Рейнскому региону после 1815 г. было присуще стремление к обретению конституции, основанной на принципе разделения властей между короной и народным представительством. Большое влияние на политический климат оказывали соседние Франция и Нидерланды, которые к тому времени уже являлись конституционными государствами. В статье 13-й принятого на Венском конгрессе Союзного акта германским государствам была обещана конституция. В 1818–1819 гг. конституции были приняты в Баварии, Бадене, Вюртемберге. Общественное мнение Рейнской области полагало, что в ее интересах, если вся Пруссия обретет конституцию. 5 июня 1823 г. прусский король Фридрих Вильгельм III издал закон, содержавший требование введения сословных провинциальных чинов в духе немецких средневековых традиций. Он мотивировал это тем, что такой закон отражает особенности прусского государства и исторические потребности времени¹⁰. Мысль о народном представительстве не нашла там воплощения: между гражданами и государством продолжали стоять сословные ограничения и общественное мнение принималось во внимание только при посредничестве своего сословия. Политические права сословий были ограничены совещательными функциями, а введенные по этому закону провинциальные конституции представляли собой компромисс между абсолютной властью дома Гогенцоллернов и старопрусской аристократией.

Период между 1824 и 1830 г. был в истории Рейнской области чисто партикуляристским, что часто объясняют нежеланием прусского правительства делать достоянием гласности общегосударственные проблемы, поскольку жители этого региона несли более тяжелое налоговое бремя, нежели население старых провинций Пруссии¹¹. Именно в таком политическом климате шел процесс становления Ганзмана как политика.

* * *

Давид Юстус Людвиг Ганзман не был уроженцем Рейнской области, он родился 12 июля 1790 г. в местечке Финкенвердер, близ Гамбурга, в семье пастора, был младшим сыном, и родители прочили ему карьеру коммерсанта. Заметим, что именно выходцы из семей пасторов и учителей на начальном этапе индустриализации в Германии становились предпринимателями с ярко выраженными интеллектуальными и культурными запросами¹². В 1794 г. семья переехала в окрестности Ганновера. Давид посещал сельскую школу и дополнительно занимался с отцом, а в 14 лет поступил учеником на торговое предприятие братьев Швенгер в Редде. Через пять лет он стал выполнять обязанности торгового агента, завязал многочисленные деловые знакомства, часто совершал деловые поездки, нередко бывал за пределами Германского союза и мечтал открыть свое дело.

В 1817 г. Ганзман организовал собственное предприятие в Аахене (Рейнская область) в сфере посреднической торговли шерстью. Его предприятие стало своеоб-

¹⁰ *Hansen J.* Einleitung – Rheinische Briefe und Akten zur Geschichte der politischen Bewegung. Essen, 1919, S. 13.

¹¹ *Ibid.*, S. 16–19. Об этом в одной из своих первых работ также писал Ганзман. См. *Hansemann D.* Preußen und Frankreich staatswirtschaftlich und politisch, unter vorzüglicher Berücksichtigung der Rheinprovinz. Leipzig, 1834, S. 1, 243.

¹² *Däbritz W.* *Op. cit.*, S. 6–7; об этом также см. *Bergengrün A.* *Op. cit.*, S. 3–15.

разным перевалочным пунктом между восточными и западными промышленными областями, а также Бельгией. Он показал себя талантливым коммерсантом, обладавшим беспримерным трудолюбием, решительностью и сильной волей, поэтому не удивительно, что товарооборот его магазинов увеличивался год от года. Вскоре Ганземаман был уже вполне состоятельным человеком. В 1821 г. он женился на дочери фабриканта из Эупена Фани Фртерей. Брак принес ему не только семейное счастье, но и окончательное избавление от материальных забот. С этого времени Ганземаман вступает на политическое поприще: его избирают в коммунальный совет г. Эупена и в аахенскую торговую палату. В рамках этих структур он успешно, с применением новых подходов занимался решением социального вопроса.

После наполеоновских войн в Германии появились первые общества страхования от пожаров. В 1824 г. Ганземаман преобразовал подобное общество в Аахене в акционерное и добился одобрения этой организации прусским государством, у которого общественно-полезный характер задач общества не вызвал сомнений: акционеры делили между собой только половину прибыли общества, а остальные доходы передавались бедным детям и учреждениям труда города¹³. К 1834 г. общество открыло свои отделения в Баварии. Одновременно на основе аахенского общества Ганземаман создал Союз повышения трудолюбия, а в его рамках организовал сберегательные кассы, учреждения по охране детства, вечерние и воскресные школы. Биографы Ганземамана считают это начинание одним из его самых удачных и долговременных бизнес-проектов, отмечая заслуги либерала в сфере социальной ответственности бизнеса¹⁴.

Ганземаман был масштабным, прагматичным и амбициозным предпринимателем. На заре индустриальной эры для раздробленной Германии особое значение имело создание единого экономического пространства, поэтому наряду с развитием Таможенного союза важную роль начинало играть железнодорожное строительство. Идейным вдохновителем развития таможенных и железнодорожных связей был известный немецкий экономист Фридрих Лист, который еще в 1833 г. в брошюре о “Саксонской системе железных дорог как основе немецкой системы, и в частности о проложении линии из Лейпцига в Дрезден”, указывал на ее значение в качестве основы немецкой железнодорожной сети в целом. Лист попытался осуществить проект всегерманской железнодорожной сети, но не нашел поддержки¹⁵.

Первые железнодорожные проекты начали реализовываться в Рейнской области. Инициатором строительства железной дороги Кёльн – Антверпен стал либерал, предприниматель и банкир Л. Кампгаузен, а так как трассу планировалось провести неподалеку от Аахена, к участию в проекте привлекли Ганземамана. С присущей ему сметкой он сразу понял значение этой трассы, добился того, чтобы она прошла непосредственно через Аахен, и создал в 1835 г. Рейнское железнодорожное общество. Во главе общества Ганземаман находился более семи лет, успешно решая многие финансовые проблемы, однако из-за конфликта с Кампгаузеном в 1843 г. сложил с себя полномочия. Параллельно в 1840 г. он организовал Кёльнско-Минденское железнодорожное общество и провел профессиональный мониторинг по всем важнейшим вопросам сооружения этой трассы. В дальнейшем Ганземаман стал признанным авторитетом в сфере железнодорожного строительного бизнеса. Он изложил свое мнение в многочисленных статьях и брошюрах¹⁶ и сумел привлечь к финансированию этих проектов крупных частных инвесторов, например, таких представителей кёльнских банков, как Херштадт, Шаффхаузен.

¹³ Däbritz W. Op. cit., S. 10.

¹⁴ См. Däbritz W. Op. cit.; Köhler F. Op. cit.

¹⁵ Трубников К. Биография Фридриха Листа. – Лист Ф. Национальная система политической экономии. М., 2005, с. 9; Гловелл Г. Лист, Витте и “национальная экономия” в России. – Там же, с. 11–12.

¹⁶ См., например: Hansemann D. Die Eisenbahnen und deren Aktionäre in ihrem Verhältnisse zum Staat. Leipzig – Halle, 1837.

В стремлении Ганземана расширять сеть железных дорог в Германском союзе проявлялось его убеждение в необходимости движения к единству. Разнообразная и, главное, результативная деятельность обеспечила ему лидирующие позиции среди рейнских либералов, усилила влияние Рейнской области на развитие экономических и политических сил Пруссии в целом¹⁷. Все это позволило ему серьезно заняться политической деятельностью.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ГАНЗЕМАНА

Как и все либералы Германии, Ганземан выступал за учреждение конституционных форм правления и развитие местного самоуправления. Он заставил обратить на себя внимание прусского истеблишмента в 1830 г. Революции 1830 г. во Франции и Бельгии активизировали политическую жизнь в Рейнской области. Жители региона проявили верность либеральным идеям, требуя введения конституции в Пруссии и единства Германии. Прусские власти понимали, что ситуация нуждается в повышенном внимании. С 24 сентября 1830 г. Рейнская область и Вестфалия были переданы в военное и гражданское управление брату короля, принцу Вильгельму. Он избрал местом своего пребывания Кёльн, где и находился до 18 декабря 1831 г. В ноябре 1830 г. к западным границам Рейнской области дважды подтягивались войска. В этих условиях жители провинций решили донести свое мнение до властей. Князь И. фон Сальм Дак представил принцу либеральный запрос, в котором указал на необходимость создания общепрусского ландтага¹⁸. С ним были солидарны девять десятых депутатов рейнского ландтага.

31 декабря 1830 г. Ганземан также написал обращение к королю “О положении Пруссии и политике в конце 1830 г.”¹⁹, где подчеркивал, что для сохранения спокойствия и оптимальных условий для развития прусского государства необходимо создать гарантии представительства. В этом документе сочетались традиции прусских реформ Штейна и Гарденберга начала XIX в. и насущные потребности Рейнской области. Ганземан стоял на позициях незыблемости монархического принципа, но полагал, что сохранение преимуществ дворян и исключительной власти бюрократии мало соответствует интересам буржуазных слоев общества. Народное представительство, по его мнению, способствовало бы пробуждению всеобщего государственного интереса. Для Пруссии, считал он, оптимальной была бы двухпалатная структура представительства: члены верхней палаты должны назначаться королем, а нижняя палата – избираться на основе высокого имущественного ценза. В духе либеральной французской конституции 1791 г. он предлагал всех граждан поделить на активных и пассивных и предоставить право голоса только активным гражданам, которые в силу своего имущественного состояния могут принимать участие в выборах. В отличие от французского проект Ганземана предусматривал не двухступенчатые, а прямые выборы народного представительства. Подобные мысли относительно избирательных прав граждан высказывал в 1830-е годы Карл фон Роттек на страницах “Государственного лексикона”.

Главная особенность предлагаемого Ганземаном государственного устройства – это отказ от сословного деления общества. Он восхвалял средний слой, к которому, по его мнению, относились купцы и фабриканты, и утверждал, что средний слой “способен обеспечить трону больше стабильности, чем помещики”, а также, являясь активным противником всеобщего избирательного права, указывал на опасность господства черни.

Восприняв определенный сегмент идей Французской революции конца XVIII в., Ганземан выступал против принципов народного суверенитета, но октроированный, т.е. пожалованный монархом, вариант конституции также не признавал. В его представлении,

---

¹⁷ Подробнее о соображениях Ганземана по поводу железнодорожного строительства в Германии см. *Malagré H.* Op. cit.

¹⁸ Об этом подробнее см. *Hansen J.* Preußen und Rheinland..., S. 64–65.

¹⁹ *Hansemann D.* Über Preußens Lage und Politik am Ende des Jahres 1830. – *Hansen J.* Rheinische Briefe und Akten zur Geschichte der politischen Bewegung. Essen, 1919, S. 9–81.

прусская конституция должна основываться на исторической силе нации, и таким образом она будет соответствовать договору. Ганземан сохранял определенный пиетет перед рационалистическим дискурсом, но это скорее была дань рационалистической риторике, поскольку руссоистский вариант договора не подразумевался, однопалатный парламент отвергался, а прерогатива народного представительства не была в его проекте обширной.

Политик стоял на позициях сильной монархической власти, однако полагал, что для сохранения государства власть должна пожертвовать частью законодательной компетенции, т.е. поделить ее с двухпалатным парламентом, допустить принцип ответственности министров перед парламентом, свободу печати и учитывать общественное мнение²⁰. Власть монарха, считал Ганземан, в современных условиях не может восприниматься в отрыве от идей общего блага и власти государства. Как выразился он уже в 1831 г., “в политике не могут царить никакие другие соображения, кроме как власть и благо государства, или то, что от этого неотделимо – блеск и власть монархии”²¹. В этом документе нашло место и внимание к исторической традиции. Так, в случае конфликта короны и представительства, конфликт, по мнению Ганзема, должен улаживаться на основе существующего законодательства, но главное, чтобы позиция монарха не противоречила интересам предпринимательства.

В феврале 1831 г. прусский король признал похвальные намерения Ганзема, но большое энтузиазма его обращение не вызвало, поскольку не соответствовало монархическому принципу старопрусского духа, т.е. отрицало сословное деление, а настойчивое стремление рейнского политика к принятию единой прусской конституции порождало, по мнению властей, импульсы для продолжения либеральных реформ. Не случайно, когда в 1831 г. Ганзема избрали депутатом провинциального ландтага от Аахена, правительство отказалось утвердить этот выбор²². Рейнские провинциальные ландтаги 1833 и 1837 гг., которые проходили в период правления Фридриха Вильгельма III, вообще не обсуждали конституционный вопрос.

Тем временем Ганземан продолжил заниматься публицистической деятельностью. В написанном в 1833 г. сочинении “Пруссия и Франция. Хозяйственное и политическое положение с точки зрения развития Рейнской области” он анализировал конституционные вопросы, а также связывал надежды на утверждение идеалов свободы с формированием среднего класса²³. В него он включал людей обеспеченных, с высоким уровнем образования и полагал, что его ядром являются “видные купцы и фабриканты”²⁴. В этом сочинении Ганземан представил своеобразную программу оздоровления экономики Пруссии, которая предусматривала снижение налогов, равномерное распределение налогового бремени и увеличение национального богатства за счет взвешенного перераспределения непродуктивного (солдаты, чиновники, служащие) и продуктивного труда в пользу последнего²⁵. Он умело увязал обладание большей политической свободой и низкие налоги со стремлением единения под эгидой Пруссии и восклицал: “Этот славный народ (имеются в виду жители Рейнской области. – *Н.Р.*), вырвавшийся из-под иноземного господства, достоин того, чтобы быть единым с Пруссией и Германией! Таким образом он доказывает, что национальность – не пустой звук, а мощное средство единения соплеменников”²⁶.

Подобно другим рейнским либералам, например Меффиссену, одним из условий свободы Ганземан считал развитую промышленность²⁷. Депутат ландтага Рейнской

²⁰ Ibid., S. 34, 57, 51, 48, 78, 47–49.

²¹ Цит. по: *Hansen J. Preußen und Rheinland...*, S. 67.

²² Ibid., S. 70.

²³ *Hansemann D. Preußen und Frankreich. Staatswirtschaftlich und politisch, unter vorzüglicher Berücksichtigung der Rheinprovinz.*

²⁴ Ibid., S. 2.

²⁵ Ibid., S. 281–282.

²⁶ Ibid., S. 285.

²⁷ Об этом подробнее см. *Langewiesche D. Liberalismus in Deutschland. Frankfurt a. M., 1988, S. 31–32.*

провинции от Аахена с 1845 г., он представил рейнскому ландтагу записку, где изложил либеральную политическую программу с требованием завершения формирования Таможенного союза учреждением таможенного парламента, созыва общепрусского сословного представительства, отмены вотчинных судов и податных изъятий дворянства²⁸.

После воцарения на престоле Фридриха Вильгельма IV надежды на создание единого для всей Пруссии представительства и на введение конституции получили новый импульс. Весной 1847 г. король созвал Соединенный ландтаг, который заседал в Берлине с апреля по июнь 1847 г. Его депутатом стал и Ганземан. Он выразил общее требование о необходимости конституционной реформы и вскоре обрел репутацию опытного политического лидера²⁹. Политик выступал в Соединенном ландтаге также по бюджетно-финансовым вопросам, военным проблемам и задачам железнодорожного строительства. Как только весть о революции во Франции докатилась до Германии, Ганземан, стремясь избежать насилия, обратился к прусскому министру внутренних дел с предложением в духе социального партнерства. Он писал, что, “когда отечеству грозит опасность, люди, любящие его, должны, как бы ни были различны их политические убеждения, сблизиться друг с другом”, предлагал министру созвать соединенный ландтаг и пойти навстречу пожеланиям оппозиции³⁰.

Начало революции в Германии и кровавые столкновения населения Берлина с войсками в марте 1848 г. заставили прусского короля созвать второй Соединенный ландтаг и приступить к формированию либерального министерства. Главой министерства стал Кампгаузен, а портфель министра финансов получил Ганземан. Историк А. Бергенгрюн назвал этих рейнских либералов в правительстве “историческим алиби короля”³¹. По мнению Й. Хансена, такой выбор определялся их приверженностью монархическому принципу, склонностью к реформам, а не к революционным действиям и поддержкой непопулярной идеи созыва второго Соединенного ландтага³².

Глава министерства видел в этом органе связь с исторической традицией, а не с революцией и полагал, что Прусское национальное собрание, призванное ввести конституцию, – это “творение феодального ландтага”³³. Но демократические силы негативно относились к ландтагу, поскольку он не являлся народным представительством, отражал уже отжившие отношения и выражал интересы привилегированных слоев. Историк из ФРГ Э. Реман писал, что созыв Соединенного ландтага во многом состоялся благодаря большой популярности среди демократов Ганземана и Кампгаузена. Однако они всеми способами препятствовали организованному сопротивлению народа, ограничив свободу стенами зала заседаний. Ганземан мотивировал это тем, что уличные собрания создают помехи на улицах и площадях города, а свободу союзов увязывал с существующими законами, т.е. с законами Старого порядка³⁴.

Противник всеобщего избирательного права, Ганземан выступал за установление имущественного ценза. Правительство в целом склонялось к его введению. Сложность ситуации состояла и в том, что в напоре демократов правительство видело большую опасность и фактически оправдывало репрессии властей, а кроме того, оно само было слишком гетерогенно. Ганземану часто приходилось быть оппонентом правительственному большинству. Он ратовал за безотлагательные реформы, которые привели бы к упразднению феодализма, реорганизации правительства, изменению налоговой системы, ввели бы новые принципы управления в общинах, округах, провинциях, он стремился

²⁸ См. Джувелегов А.К. Указ. соч., ч. 1, с. 120; Революции 1848–1849 гг., т. 1, с. 67.

²⁹ *Däbritz W.* Op. cit., S. 16.

³⁰ Цит по: Революции 1848–1849 гг., т. 1. с. 280.

³¹ *Bergengrün A.* Op. cit., S. 97.

³² *Hansen J. König Friedrich Wilhelm IV. und das liberale Ministerium Camphausen-Hanseman,* S. 62.

³³ Цит. по: *Rehman E.* Op. cit., S. 311.

³⁴ *Ibid.*, S. 312–313, 315.

к порядку и к соответствующей интересам буржуазии конституции. Однако ни кабинет министров, ни король его не поддерживали³⁵.

Финансовый министр занимался также каждодневной работой: заботился о безопасности государственных финансов, боролся с экономическим и финансовым кризисом, который в то время переживала вся Европа. Он координировал деятельность ведомств государственных долгов, казны, морской торговли, создание министерств торговли, промышленности, сельского хозяйства, общественных работ, транспорта³⁶.

В мае 1848 г. в Берлине начались заседания прусского Национального собрания, сформированного на основе всеобщего избирательного права и призванного ввести конституцию. Правительство предложило проект конституции, предусматривавший учреждение двухпалатного парламента и двухступенчатые выборы. Проект частично основывался на конституции Бельгии, ориентированной на принцип народного суверенитета, а в качестве отдаленного примера опирался на английскую систему. Так, верхняя палата не должна была избираться, ей следовало базироваться на аристократическом принципе, однако дворянство Пруссии должно было обновиться. О померанских и бранденбургских юнкерах Ганзман был очень невысокого мнения³⁷. Нижняя палата, согласно проекту, формировалась на основе всеобщего избирательного права, но путем двухступенчатых выборов. Законодательная власть в случае принятия этого проекта принадлежала бы парламенту и королю, а исполнительная – королю, который назначает министров, заседания палат, может распустить парламент и является верховным главнокомандующим армией³⁸. В связи с этим проектом Ганзман открыто говорил об учреждении демократической монархии³⁹.

Как отмечал историк из ФРГ Е. Реман, конституционный проект обеспечивал королю сильную оборонительную позицию, но после революции она ему совсем не подходила⁴⁰. Не все в этом проекте вызывало одобрение Ганзмана: он не одобрял введения всеобщего избирательного права при формировании нижней палаты, выступал против ограничения основных прав граждан. Прусское Национальное собрание было настроено по отношению к конституционному проекту довольно враждебно, так как он предусматривал слабую компетенцию парламента и не достаточно обеспечивал реализацию личной свободы, свободу печати и светский характер государства⁴¹. Вне парламента активизировались радикальные элементы.

В конце июня 1848 г., после массовых беспорядков, когда рабочие Берлина 14 июня штурмом взяли арсенал и захватили хранившееся там оружие, не желая кровопролития, Кампгаузен добровольно сложил с себя полномочия главы кабинета министров. Король поручил формирование нового министерства Ганзману, и вскоре возник кабинет Ауэрсвальда – Ганзмана. В рамках нового кабинета Ганзман по-прежнему занимал должность министра финансов, но фактически был лидером этого министерства. Он продолжал выступать за дальнейшее проведение конституционной реформы, отдавал все свои практические знания, чтобы в это сложное время содержать прусские финансы в порядке, и сделал немало для преодоления хозяйственных трудностей. В этой связи необходимо отметить, что участие представителей буржуазии во властных структурах Пруссии было тогда явлением нетипичным. Ганзман привнес в прусскую государственную политику дух предпринимательской свободы, что, конечно же, задевало интересы земельных собственников⁴². Граф Пинто в июне 1848 г. опубликовал бро-

³⁵ Ibid., S. 325–326.

³⁶ Bergengrün A. Op. cit., S. 101.

³⁷ Ibid., S. 270–273.

³⁸ См. Rönne L. Kritische Bemerkungen über den Entwurf des Verfassungsgesetzes für den Preußischen Staat. Berlin, 1848, S. 11–13.

³⁹ Hansemann D. Das Preußische und Deutsche Verfassungswerk. Mit Rücksicht auf mein politisches Wirken. Berlin, 1850, S. 106–111.

⁴⁰ Rehmann E. Op. cit., S. 331.

⁴¹ Ibid., S. 335–337.

⁴² Ганзман хотел отменить земельный налог и заменить его подоходным, что вызвало бурные протесты аграриев. Бергенгрюн по этому поводу писал: “Волнения крупных землевладельцев

шюру “Шах министру Ганземану”⁴³, где утверждал, что тот не обладает достаточными способностями для должности министра финансов и сделал меньше, чем должен был сделать. Особенно остро он критиковал финансиста в связи с тяжелой ситуацией с кредитами и в итоге заявил, что меры, принимаемые министерством Ганземана, реально не соответствовали заявленным целям⁴⁴.

21 сентября кабинет Ауэрсвальда – Ганземана был распущен. Вскоре король назначил Ганземана главой Прусского банка. В декабре 1848 г. прусское Национальное собрание переехало из Берлина в Бранденбург, но свою работу практически не возобновило. 5 декабря 1848 г. Пруссия обрела октроированную конституцию, которая в 1850-е годы была дополнена трехклассным избирательным законом, серьезно нарушавшим принцип народного суверенитета. Все это не слишком вписывалось в представления Ганземана о конституции, и он сконцентрировался в большей степени на экономических вопросах и на проблеме объединения Германии.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГАНЗЕМАНА О ЕДИНСТВЕ ГЕРМАНИИ

Революционные события 1830 г. вновь пробудили в Рейнской области стремление к немецкому единству. Ганземан хотел видеть Пруссию не только конституционным государством, но и лидером в германском мире, который будет способствовать превращению Германского союза в федеративное государство. Вера в немецкое призвание Пруссии была, по его мнению, обусловлена уже инициированной ею экономической политикой – процессом создания Таможенного союза, а также ее границами, протянувшимися от берегов Рейна на западе до Российской империи на востоке. Поэтому, полагал он, Пруссия способна понять общее благо Германии и объединить немецкие государства, тогда как Австрия должна быть исключена из германского федеративного государства. “Призвание Пруссии, – писал он, – укрепляя собственную власть и общее благо, способствовать процветанию Германии, и поэтому, благодаря общим интересам, союз укрепляется (имеется в виду Германский союз. – *Н.П.*), а его главой является Пруссия”. Пруссия желала бы, чтобы Германия отныне перестала быть ареной европейских войн, не представляла бы интересы Австрии и смогла бы отразить атаки французов или русских, если те вдруг “захотят помочь какому-либо немецкому государству”⁴⁵.

Ганземан так настойчиво стремился превратить Пруссию в конституционное государство потому, что хотел, чтобы именно Пруссия стала лидером в деле объединения Германии и защитила Рейнскую область от вмешательства Франции. Связь проблемы единства с решением конституционного вопроса, как было показано, просматривается также в идеях баденских либералов. Объединения, прежде всего конституционных государств, требовал в своем проекте К. Велькер, он же настаивал на создании общенемецкого представительства. Рассматривая роль Пруссии в немецком мире, Ганземан размышлял о ближайших соседях. Так, он приветствовал отделение Бельгии от Голландии и ратовал за освобождение Польши от русского господства, мотивируя это чисто экономическими причинами⁴⁶, что также сближало его с баденскими либералами, которые относились к России очень настороженно⁴⁷.

на востоке монархии не знали границ. Они жаловались, что министр финансов хочет разорить сельское хозяйство и вмешивается в священное право собственности”. – *Bergengrün A.* Op. cit., S. 102. В планах у Ганземана было также уничтожение феодальных привилегий.

⁴³ Pinto C. Schach dem Minister Hansemann. Berlin, 1848.

⁴⁴ Ibid., S. 3–5. Острая критика в адрес министра Ганземана также звучала в брошюре: *Massaloup J.* Anti-Hansemann. Berlin, 1848.

⁴⁵ *Hansemann D.* Über Preußens Lage und Politik am Ende des Jahres 1830..., S. 71.

⁴⁶ Ibid., S. 72.

⁴⁷ Об этом подробнее см. *Ростиславлева Н.В.* Зарождение либерализма в Германии. Карл фон Роттек. М., 1999.

В ходе революции 1848–1849 гг. главным для либералов был вопрос о достижении единства Германии. Предприниматель и финансист, Ганзема́н был очень заинтересован в создании единого немецкого экономического и таможенного пространства, но идея политического единства, как уже отмечалось, тоже была ему близка. Еще накануне революции, весной 1847 г., он вместе с известными политиками юго-западной и западной Германии принимал участие в работе собрания либералов в Геппенгейме, где была принята резолюция о необходимости созыва общегерманского парламента. Конкретно обсуждалась альтернатива: либо созвать этот парламент в рамках Союзного сейма, либо приурочить к Таможенным конференциям – высшему органу Таможенного союза. Ганзема́н высказался в пользу последнего варианта⁴⁸. Однако вопрос так и не был решен.

Когда началась революция, 5 марта 1848 г., состоялось совещание либералов в Гейдельберге, куда съехались все видные либеральные политики Германского союза, в том числе и Ганзема́н. Он поддержал антиреспубликанские заявления и монархическую форму правления, а также высказался против объединительных намерений Союзного сейма⁴⁹. Не являясь членом общегерманских структур периода революции 1848–1849 гг. и депутатом Франкфуртского парламента, Ганзема́н, тем не менее, часто посещал Франкфурт как частное лицо. Здесь он обменивался мнениями с единомышленниками, а в октябре 1848 г. высказал свои соображения по поводу объединения Германии президенту Франкфуртского парламента Г. фон Гагерну. Ганзема́н был обеспокоен тем, что члены Национального собрания преследовали, по его словам, политически незрелые, идеалистические, абсолютно недостижимые цели, проектировали несостоятельное государственное здание. Его соображения были направлены главным образом на ограничение австрийского и расширение прусского влияния на германское пространство. Он использовал понятие “ограниченное Имперское объединение”, куда не включались Австрия и Лимбург, но при этом они обладали правом участвовать в делах через представительство в Высшем имперском совете и в деятельности парламента⁵⁰. Позже, в 1849 г., Ганзема́н опубликовал сочинение, посвященное решению общегерманского конституционного вопроса⁵¹. Фактически это были критические заметки на полях “Имперской конституции”.

Прежде всего Ганзема́н отмечал, что название единого немецкого государства должно быть иным. Он писал: “Империя – это блестящее и претенциозное название, но нужно быть более мудрыми и выбрать другое, например, “Объединенные германские государства” (“*Deutsche Vereinstaaten*)”, поскольку первое не соответствует статусу союзного государства”. Вообще, замечал он, выбирая название единого немецкого государства, следует больше учитывать опыт Таможенного союза⁵². Идея империи воспринималась либералами Франкфуртского парламента как единство, включавшее в себя историческую традицию. Не склонный к экзальтированному доктринерскому мышлению Ганзема́н рассуждал более конкретно, как предприниматель: он считал, что интересы Пруссии в таком названии могут просто потонуть.

Далее он обнаружил противоречия Имперской конституции с прусской⁵³. В первой речь шла о том, что только немецкие граждане могут входить в состав государственных органов, во второй же заявлялось о гарантии прав всех ее граждан.

По поводу особенностей федеративного устройства Германии, которое увязывало границы компетенции отдельных государств с необходимостью верховенства Имперской конституции и имперской власти, Ганзема́н скептически замечал, что этот пас-

---

⁴⁸ *Deutsche Geschichte von den Anfängen bis zur Wiedervereinigung*. Hrsg. von M. Vogt. Stuttgart, 1991, S. 401.

⁴⁹ Революция 1848–1849 гг., т. 1, с. 260–261.

⁵⁰ См. *Hansemann D. Das Preußische und Deutsche Verfassungswerk*, S. 127–131.

⁵¹ *Die deutsche Verfassung von 28. März 1849. Mit Anmerkungen von David Hansemann Abgeordneten der Ersten Preussischen Kammer*. Berlin, 1849.

⁵² *Ibid.*, S. 1.

⁵³ В составе Пруссии были польские области, например, Познань и Силезия.

саж – заимствование из американского и швейцарского опыта. Он очень сомневался в его продуктивности для Германии, так как в отличие от США и Швейцарии на немецкие федеральные единицы центральной властью налагаются очень большие ограничения в сфере управления и законодательства⁵⁴. Не нравился ему и чрезмерный контроль Империи над германской армией. Он полагал, что такой контроль приведет к прекращению существования прусского войска. В исключительной юрисдикции центральной власти над морями, судоходными реками и озерами Ганземан видел нарушение суверенитета прусского государства.

Подробные комментарии он представил по вопросу о подчинении имперской власти железных дорог и всех предприятий по их обслуживанию. По его мнению, подобное подчинение будет унижительно для прусского министра торговли. Здесь Ганземан обращался к североамериканскому опыту, где “федеральная власть вовсе не озабочена железнодорожным делом отдельных штатов”. Было бы хорошо, писал он, если бы функции центра ограничивались вопросами определения размеров железнодорожной колеи. Вмешательство центра он допускал и в том случае, когда два или несколько немецких государств не смогут урегулировать спорные вопросы при строительстве железных дорог или размер компенсации при использовании железных дорог для союзных целей. Подобные комментарии Ганземана можно обнаружить и по вопросам использования шоссежных дорог. Он явно настаивал на предоставлении более широкой компетенции отдельным государствам, и прежде всего Пруссии.

Необходимость единого таможенного и торгового пространства поддерживалась им безусловно, однако он не считал обязательным соблюдать принцип верховенства имперской власти при выдаче патентов. Хотя в США, отмечал Ганземан, это прерогатива центра, “как быть, если кому-то нужен патент для использования лишь в Пруссии? Почему он должен обращаться к центральному учреждению?”

Касаясь вопросов организации высшей имперской власти, Ганземан отмечал серьезные трудности в обеспечении принципа ее единства и наследственности, так как в Имперской конституции не предусматривалось создание рейхсрата, который должен состоять из нескольких персон, усиливать партию сторонников наследственной имперской власти и быть противовесом ультрадемократической партии⁵⁵.

Порядок формирования рейхстага также не вызывал у Ганземана одобрения: как в нижней палате, палате народов, так в верхней, палате государств, Пруссия была представлена недостаточно⁵⁶. Он полагал, что, если опираться на мнение президента Франкфуртского парламента Гагерна, то достижение малогерманского единства должно привести к концентрации политических сил в центре страны (читай, в Пруссии. – *Н.Р.*), а не на Севере⁵⁷. Значение Пруссии, по мнению Ганземана, было принижено, так как по конституции предусматривалось обеспечение преобладающего авторитета небольшим немецким государствам. Компетенцию рейхстага Ганземан считал чересчур обширной, но, главное, он был недоволен большим влиянием на правительство нижней палаты⁵⁸, что пролагало путь к демократии. Угрозу монархическому принципу он видел и в том, что обе палаты рейхстага имели право самостоятельно выносить временные решения, действующие 14 дней.

Не одобрил Ганземан и раздел об основных правах немецкого народа, что кажется странным, так как этот раздел был разработан при активном участии Ф.К. Даль-

⁵⁴ Die deutsche Verfassung..., S. 1.

⁵⁵ Ibid., S. 4, 6–7, 10–11, 18.

⁵⁶ Формирование нижней палаты предусматривалось на основе всеобщего избирательного права, а в состав верхней палаты Пруссия направляла 40 депутатов, что было прописано в Имперской конституции.

⁵⁷ Die deutsche Verfassung..., S. 19–21. В Имперской конституции предусматривалось, что резиденцией центральной власти должен стать Франкфурт-на-Майне, который был вольным городом и не входил в состав Пруссии.

⁵⁸ Ibid., S. 25.

мана, чьи взгляды отличала взвешенная умеренность. Однако объяснение этому можно обнаружить в утверждении Ганземана о том, что единство и власть в единой Германии должны быть обусловлены прусской властью. Он полагал, что это необходимо, поскольку провозглашение политической свободы сочетается с отсутствием в народе традиций свободы, а власть в отдельных немецких государствах в силу многочисленных нарушений их интересов будет ослаблять прерогативу центра. Поэтому, заключал Ганземан, такое “немецкое отечество не едино, не счастливо, а слабо и безвластно как внутри страны, так и на международном уровне”⁵⁹. Кроме того, он критически высказался о предоставлении прусскому королю титула германского императора на основе решения парламента. Во всем этом он видел проявление ультрадемократии, слабости центральной власти и в целом так и определял в своих заметках дух Имперской конституции⁶⁰, который и не позволил Пруссии согласиться на подобное единство.

В заметках по поводу Имперской конституции либерал Ганземан предстает абсолютным апологетом Пруссии, критиком многих довольно либеральных положений этой конституции. Организатор индустриального бизнеса, бизнесмен, он всегда стоял на позициях политической реальности и полагал, что присущая немцам склонность к идеализму в делах политики неуместна. Раннелиберальный комплекс идей в Германии часто обозначают термином утопия⁶¹. Реализации либеральных ценностей в ходе революции 1848–1849 гг. на германском пространстве не произошло.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ГАНЗЕМАНА В 50-е годы XIX в.

В 1848–1851 гг. Ганземан еще оставался представителем рейнских кругов в верхней палате прусского ландтага. В 1852 г. он добровольно сложил полномочия депутата и всецело посвятил себя реализации новых финансовых проектов, отвечавших вызовам индустриализации, в частности, стал создателем прусского акционерно-кредитного общества (*Diskonto Gesellschaft*), которое обеспечивало оптимальное движение капиталов в рамках развития немецкой промышленности.

Наиболее удачную модель выживания после поражения революции продемонстрировали именно рейнские либералы: им были чужды иллюзии единства и они четко оценивали реальность. Сторонники буржуазного либерализма, а именно так называл либералов Рейнской области немецкий историк Д. Лангевише⁶², сохранили свое значение и в 1850-е годы, тогда как такие известные либералы предмартовского периода и активные члены Франкфуртского парламента, как Дальман и Велькер, после поражения революции фактически стали людьми из прошлого.

Как уже отмечалось, в 1848–1851 гг. Ганземан был шефом Прусского банка, но репутацию главного знатока банковского дела он приобрел еще раньше. Уже в 1828 г. бизнесмен приступил к разработке актуальной реформы прусского банковского дела, однако в то время в Германии было очень мало мобильных капиталов, чтобы можно было их объединять как депозиты для получения банковской прибыли. Во второй трети XIX в. банковское дело тоже не стало рычагом прогресса в связи с недостатком теоретических знаний и опыта. Деятельность банков пока ограничивалась эмиссией бумажных денег, впрочем, это было уже хорошо, так как восполняло дефицит капиталов.

В 1840-е годы Ганземан всерьез поставил вопрос о реформе прусского королевского банка в Берлине – неповоротливого, с ограниченным числом отделений, с недостаточным контингентом служащих. Эта отсталость более всего чувствовалась в Рейнской области. Однако все предложения о реорганизации наталкивались на сопротивление руководства банка. Поэтому Ганземан выступил с требованием создания там самостоя-

⁵⁹ *Ibid.*, S. 49.

⁶⁰ *Ibid.*, S. 24, 50.

⁶¹ Об этом подробнее см. *Ростиславлева Н.В.* Зарождение либерализма в Германии.

⁶² *Langewiesche D.* *Op. cit.*, S. 23, 32.

тельных банков. Кабинет министров Пруссии в 1846 г. выпустил распоряжение о преобразовании Королевского банка в общественный, капитал которого при сохранении государственного влияния существенно проявлял бы себя через частные средства. Второе королевское распоряжение допускало провинциальные банки к объединенным фондам и солидарную ответственность всех участников.

1 января 1847 г. открылся прусский банк нового образца с уставным капиталом 10 млн. талеров, но все гарантии относительно провинциальных банков выполнены не были. Ганземан предпринял попытки основать головной банк Рейнской области, однако этот план так и остался на бумаге⁶³. Ставший в марте 1848 г. министром финансов Пруссии Ганземан видел свою главную задачу в создании такого банка, и он сумел его организовать.

В годы революции экономическая жизнь замерла, денежное обращение было блокировано, частный кредит подорван, т.е. сложилась ситуация острого экономического кризиса. Поэтому министр отдал распоряжение о создании ссудных и учетных (*Diskonto*) касс, которые в апреле 1848 г. открылись в 13 городах королевства. Ссудные кассы получили право выпускать в обращение банкноты до 10 млн. талеров.

В Рейнской области, где благодаря существованию частных банков хозяйственная жизнь покоилась на гарантиях кредита, возникла угроза кредитного кризиса, и тогда Ганземан решился на допуск государства в дела частных банков. Крупнейший банковский дом Рейнской области, дом Абрахама Шаффхаузена, стал акционерным обществом с участием государства, которое частично перенимало риски, а его представители вошли в состав директоров этого предприятия. Ганземан разработал также нормативные условия концессионирования частных банков, которые были одобрены королем⁶⁴.

После нормализации экономической ситуации в начале 1850-х годов деятельность Ганземана в Прусском банке стала наталкиваться на сопротивление государства. Он объяснил это так: “Как правило, лучшие идеи наталкиваются на непрофессионализм высшей чиновничьей сферы, которая отрицательно настроена ко всем предложениям, исходящим не от корпорации чиновников, а от купцов”⁶⁵. На посту главы Прусского банка Ганземан пережил два конфликта: между торговцами и государственными служащими и между либеральными политиками и юнкерством. Обе противостоявшие ему силы заключили союз с целью смещения Ганземана с должности. Прусская бюрократия и юнкерство не давали свободному духу бизнеса никаких шансов укрепиться в государственных финансовых структурах. В совете директоров Прусского банка возникли острые конфликты, приведшие в апреле 1851 г. к отстранению Ганземана от должности. Он испытал большое личное разочарование и решил вернуться в сферу частного бизнеса.

Ганземан нашел свою “нишу” там, где разрешения государства не требовалось. В 1851 г. он организовал Общество дисконта (*Disconto Gesellschaft*), своеобразный союз кредита, облеченный в форму акционерного командитного товарищества. Образцом для его создания послужил брюссельский Союз кредита, который возник весной 1848 г., в период перебоев с кредитами, с целью обеспечить доступ к капиталам малому бизнесу. Капитал Союза кредита состоял из частной доли дела и депозитных вкладов его участников и вновь выдавался им же в качестве разменного кредита согласно уровню их доли. Своеобразие предприятия состояло в том, что акционеры были одновременно и клиентами⁶⁶. Ганземану импонировали общественно-полезный характер этого союза, ориентированного на взаимопомощь, а также его относительно высокая доходность. Он сделал ставку на организацию финансового учреждения, предоставлявшего кредиты мелкому промыслу, желая таким образом поддержать малый бизнес, который своим трудом, старанием и бережливостью заслужил это.

---

⁶³ *Däbritz W. Op. cit., S. 20.*

⁶⁴ *Bergengrün A. Op. cit., S. 104.*

⁶⁵ Цит по: *Däbritz W. Op. cit., S. 21.*

⁶⁶ *Bergengrün A. Op. cit., S. 104.*

Еще в 1849 г., будучи шефом Прусского банка, Ганземан организовал Берлинское кредитное общество и тем самым воплотил в жизнь брюссельский образец. В государственных инстанциях он столкнулся с большими трудностями. Улаживание всех вопросов тянулось больше года, и, скорее всего, этот проект так и не состоялся бы, если бы в марте 1851 г. Ганземан не покинул пост главы Прусского банка и не отдал все силы реализации своего нового замысла. Уже 3 июня 1851 г. он представил общему собранию “План по преобразованию Берлинского кредитного общества в торговое общество с сохранением его общественно-полезных целей”. Большинство прежних членов перешло в новое общество – Общество дисконта.

Общество дисконта обладало сложной юридической конструкцией, и это не случайно: Ганземан хотел обезопасить фирму от различных государственных разрешений. В составе нового института были две группы участников – владельцы бизнеса и компаньоны (партнеры). Членами фирмы были только первые, одновременно они оставались бизнесменами и поэтому были свободны от разнообразных ограничений со стороны государства, которым подчинялись все юридические лица. Партнеров связывали с первой группой личные деловые связи, и таким образом они также были защищены от государственного вмешательства. Принадлежность обеих групп к фирме основывалась на передаче пая, наибольший размер которого достигал 10 тыс. талеров, а наименьший составлял 200 талеров. Положение обеих групп отличалось четко и в плане ответственности. Представители первой группы отвечали по обязательствам всего общества в размере третьей части своего имущества, партнеры от внешней ответственности были освобождены. Важная особенность нового института – это право брать кредит в размере своего пая с возможным изменением условий кредита в сторону дисконтирования (снижения учетного процента). Таким образом, в рамках этого общества акционеры являлись одновременно и клиентами. Вся сложность конструкции и терминологии не затуманивала главного – вновь созданное общество было обществом кредита. Этот термин был чужд тому времени, и Ганземан его никогда не использовал⁶⁷, предпочитая выражать новые потребности экономического развития в привычных категориях. Он разработал типовой устав Общества дисконта, предусматривавший, что руководство обществом осуществляет совет директоров (три директора), но фактически руководство перенималось Ганземаном как исключительным владельцем бизнеса⁶⁸.

Первоначально членами общества были 236 человек, однако уже в конце 1852 г. в его состав входили 1160 человек: купцы, фабриканты, а также много простых ремесленников различных профессий. Капитал общества на тот момент составлял 3,7 млн. талеров. Отчет 1852 г. выявил и то, что кассовый фонд общества намного больше его кредитных выплат⁶⁹, а это отрицательно сказывалось на его рентабельности.

В середине 1850-х годов в Берлине начали происходить серьезные изменения: город становился центром промышленности и торговли, а развитие железнодорожного строительства превратило его в узловой пункт межрегионального сообщения. Берлин начал встраиваться в мировое хозяйство. Прусская промышленность за последнее десятилетие удвоила свое производство. Все эти процессы подвигли Ганземана на реорганизацию Общества дисконта. Он прекрасно понимал, насколько Германии не хватает банковских и кредитных учреждений. Требовались новые банки, способные за проценты переводить необходимые промышленным предприятиям средства на текущие счета, которые те могли бы использовать. Причем работающий капитал следовало облагать умеренными процентами, что было особенно актуально для рентабельных производств, а также для предприятий, нуждавшихся в содействии на начальном этапе своего становления.

Ганземан реально подчинил немецкое банковское дело требованиям немецкой промышленности середины 50-х годов XIX в. Если раньше банки размещались там, где

⁶⁷ *Däbritz W.* Op. cit., S. 25.

⁶⁸ См. *Hanseman D.* Das Wesen der Diskonto-Gesellschaft. Berlin, 1852.

⁶⁹ *Däbritz W.* Op. cit., S. 25–26.

находились фондовые биржи (например, дом Ротшильдов во Франкфурте-на-Майне), и предоставляли в основном торговые кредиты, то теперь к ним добавились производственные. В эпоху индустриализации, когда шел процесс масштабного создания фабричного производства, формировалась присущая этому типу инфраструктура, куда входили не только здания фабрик с паровыми машинами, но и склады, транспортные площадки, здания администрации, квартиры для рабочих, железнодорожные линии. Финансирование всей этой инфраструктуры требовало наличия капиталов, но прибыль была не быстрой. Речь идет о так называемом “длинном” капитале (“длинные” деньги), на долгое время связанном с производственным процессом и переходившем в готовый продукт в виде амортизационной квоты. Поэтому наряду с традиционным регулярным банковским предпринимательством для банков стало исторической необходимостью развитие нового дополнительного бизнеса. Такая готовность к новациям характерна только для континентальной банковской сферы. В Англии, например, банки ограничивались традиционным банковским предпринимательством, а большие финансовые проекты обслуживали другие институты, которые как банки не обозначались. Во Франции и Западной Германии возникла смешанная банковская система, включавшая в себя акционерные общества⁷⁰.

Самым острым был вопрос о лояльности государства. Как уже отмечалось, первым банковским союзом в Германии стало общество Шаффхаузена. Первому акционерному банку была выдана государственная концессия, но это объяснялось ситуацией экономического кризиса и поддержкой Ганземана⁷¹. В дальнейшем прусское правительство отказало ему в поддержке, поэтому, например, Мефиссен постарался перевести этот союз в герцогство Гессен. Таким образом в 1853 г. в Дармштадте возник торгово-промышленный банк – второй в Германии акционерный банк.

Именно отсутствие лояльности со стороны государства явилось побудительным мотивом для изменения Ганземаном устава Общества дисконта в 1852–1856 гг.⁷², и прежде всего его правовой формы. Он стал акционерным обществом с ограниченной ответственностью⁷³. Наряду с прежними пайщиками, которые назывались теперь соучастниками, появилась новая группа “с ограниченной ответственностью”. Кроме того, владельцем бизнеса мог быть теперь один человек или несколько человек, которые все вместе являлись совладельцами⁷⁴. В 1856 г. размер основного капитала был установлен на уровне 10 млрд. талеров. Устав позволял и иное использование текущих средств, например, можно было давать задатки для приобретения ценных бумаг. Новый формат Общества дисконта превратил его, по сути, в крупномасштабный кредитный банк, ориентированный на всестороннее кредитное содействие, а долгосрочное вложение капитала находилось в органической связи с поддержкой оборотного капитала (“короткие” деньги). Ганземан стремился не только создать новый формат немецкого банка, но и сделать его типичным для Пруссии и Берлина. Заметим, что это произошло довольно скоро: в 1862 г. на основе предложенной Ганземаном модели возник Франкфуртский ипотечный банк, а в 1863 г. – Немецкий ипотечный банк в Майнингене.

Последним событием в ряду преобразований стало привлечение весной 1857 г. в качестве совладельца бизнеса старшего сына Ганземана Адольфа. Последующие семь лет они руководили банком вместе: отец в большей мере осуществлял представительские функции, обобщал свою деятельность банкира в публикациях⁷⁵ и много путешествовал. Всей текущей работой занимался его 31-летний сын, но Ганземан-старший по-прежнему

⁷⁰ Ibid., S. 29.

⁷¹ Bergengrün A. Op. cit., S. 107.

⁷² Hansemann D. Das Statut der Diskonto-Gesellschaft in Berlin nach den am 20. Dezember 1852 genehmigten Zusätzen und Abänderungen. Mit erläuternden Bemerkungen und Anlagen von D. Hansemann. Berlin, 1853.

⁷³ Däbritz W. Op. cit., S. 26.

⁷⁴ Hansemann D. Das Statut der Diskonto-Gesellschaft..., S. 1–2, 14–15.

⁷⁵ Hansemann D. Banknoten-System für Deutsche Bundesstaaten. Kassel, 1857.

продолжал предлагать новации в банковском деле. Подав на рассмотрение правительства прошение о концессионировании, он долго ожидал ответа. В результате в июне 1863 г. правительство приняло документ “Нормативные условия концессионирования ипотечных банков”, который вносил ограничения в проект Ганземана, касавшиеся участия пайщиков в процессе концессионирования и размера их капиталов. Именно в таком варианте – как королевская концессия – в 1864 г. возникло Первое прусское ипотечное акционерное общество. Ганземан был избран в совет директоров, но приступить к своим обязанностям не успел.

Общество дисконта имело свои интересы и в железнодорожном строительстве, оно выпускало основные акции железнодорожных обществ и таким образом установило партнерские отношения с Бергско-Меркским и Верхнесилезским железнодорожными обществами. Существовали также проекты финансирования строительства железной дороги от Берлина до Потсдама и от Берлина до Брауншвайга. После завершения в 1864 г. войны с Данией Ганземан начал разрабатывать план создания земельного банка для Шлезвиг-Гольштейна, куда хотел встроить Общество дисконта, и акционерного общества для строительства канала между Северным и Балтийским морями⁷⁶.

В 1863 г. 73-летний Ганземан приехал в Петербург, чтобы разработать для русского правительства финансовый план строительства и национализации сети российских железных дорог. Несмотря на интенсивные переговоры, его предложения российской стороной приняты не были. Однако Общество дисконта предоставило для строительства железных дорог в России заем в размере 5 млн. талеров и разместило данные ценные бумаги на германском рынке. Немецкие исследователи отмечали, что это были первые российские ценные бумаги в сфере железнодорожного строительства⁷⁷.

Почти до самой кончины Ганземан вел активный образ жизни. Он ощутил телесные недуги лишь незадолго до смерти, летом 1864 г. Ганземан скончался от воспаления легких во время пребывания на курорте в Шлангенбаде 4 августа 1864 г.

Давид Ганземан был заметной фигурой в политическом движении и экономическом развитии Пруссии XIX в. Историки отмечали выдающиеся черты его характера, его взвешенный реализм и компромиссность⁷⁸. Главная составляющая либерального учения – принцип свободы – являлся для него путеводной звездой во всех начинаниях. Он связывал свободу с собственностью, с развитой промышленностью, с утверждением среднего класса и всегда стремился к практической реализации своих замыслов.

---

⁷⁶ *Däbritz W.* Op. cit., S. 52–55.

⁷⁷ *Bergengrün A.* Op. cit., S. 750; *Malangré H.* Op. cit., S. 130; *Köhler F.* Op. cit., S. 42–44.

⁷⁸ См. *Rehman E.* Op. cit., S. 16–18.